

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430).084+929Фалькенгайн

ЭРИХ ФОН ФАЛЬКЕНГАЙН: ЧЕРТЫ БИОГРАФИИ

Л.В. Ланник

Саратовский государственный университет
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Статья посвящена основным этапам биографии Э. фон Фалькенгайна (1861–1922), стоявшего во главе германских вооруженных сил в 1914–1916 гг. Анализируя на основе источников стиль принятия Фалькенгайном решений, отношения с конкурентами из военной элиты, сменившими его на посту главы ОХЛ, автор приходит к выводу об ошибочности некоторых распространенных в историографии убеждений и несправедливости в оценке как самого Фалькенгайна, так и проводимой им стратегии. Показаны черты характера Фалькенгайна, его готовность исполнять свой долг, несмотря на неудачи в карьере, чем он выгодно отличался от своих недоброжелателей, вмешавшихся в политическую борьбу и во многом предопределивших крах монархии в Германии. Автор подробно останавливается на истинном масштабе вклада германского военного деятеля в успехи и неудачи кайзеровской Германии в ходе Первой мировой войны.

Ключевые слова: Фалькенгайн, Германская империя, Первая мировая война, Верден, ОХЛ, Генштаб, Людендорф, кайзер.

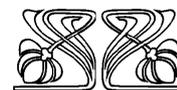
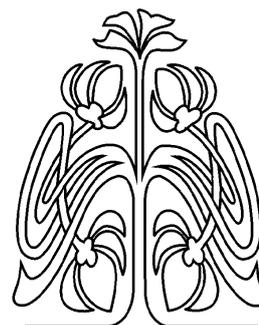
Erich von Falkenhayn: Features of the Biography

L.V. Lannik

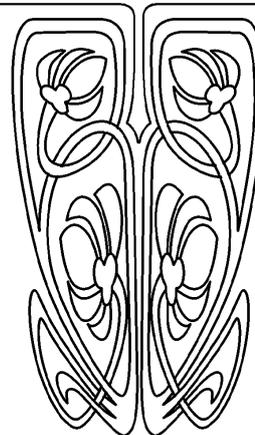
The article is devoted to basic stages of Erich von Falkenhayn's (1861–1922) biography, who was the head of German armed forces in 1914–1916. Analyzing on the basis of different sources style of making decisions, his relations with competitors from the military elite, finally replaced him on a post of head of OHL, author dismisses some popular historiography's myths, comes to conclusion about an injustice of in an estimation both most Falkenhayn, and strategy he preferred. Character traits Falkenhayn, his readiness to execute the duty, despite of failures in career are shown, than he favourably differed from the ill-wishers who have interfered political strike and in general predetermined crash of monarchy in Germany. The author considers true scale of the contribution of the chief of Great General Staff in successes and failures Imperial Germany during the First World War.

Key words: Falkenhayn, German Empire, World War I, Verdun, OHL, General Staff, Ludendorff, Kaiser.

Богатый событиями и яркими личностями XX в. достаточно быстро заставил не только обывателей, но и историков сконцентрировать свое внимание на тех перипетиях исторического процесса, актуальность которых представлялась наибольшей к моменту начала исследовательского процесса. В связи с этим как в России, так и за рубежом оказались незаслуженно забытыми деятели важнейших периодов в мировой истории таких, например, как Первая мировая война. При том огромном внимании, которое уделялось учеными Европы и Америки «германской военщине», несмотря на огромное количество литературы, посвященной милитаризму, роли Генерального штаба Германии в развязывании обеих мировых войн, разоблачению связей между германскими генералами и нацистским движением и преемственности агрессивной внешней политики Германской империи и Третьего рейха, один из выдающихся представителей немецкой военной школы остался почти неизвестен исследователям. Речь идет об Эрихе фон Фалькенгайне, фактически возглавлявшем вооруженные силы Германской империи на посту начальника Полевого Генерального штаба на протяжении двух лет (без половины месяца), одержавшем несколько эффектных побед в этом качестве, а после своей отставки сыгравшем выдающуюся роль в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

боевых действиях 1916–1918 гг. При этом современники и специалисты отдавали ему должное. Так, У. Черчилль назвал Фалькенгайна самым талантливым военачальником кайзеровской Германии, подчиненный этого генерала Ф. Папен (офицер Генштаба и будущий вице-канцлер Веймарской республики) характеризовал его как «оперативного гения»¹, видный специалист В. Герлиц именно Фалькенгайна считал образцом прусского офицера Генштаба².

Сейчас, спустя 90 лет после окончания Первой мировой войны, можно в полной мере согласиться с редактором русского издания воспоминаний Э. Фалькенгайна А.Е. Снесаревым, писавшим в 1923 г. в предисловии к русскому изданию мемуаров генерала: «О периоде Фалькенгайна пока молчат, и его имя пока неясно и полно загадок»³. Причины существования указанной лакуны в исследовании Первой мировой войны в целом и участия в ней Германской империи разнообразны и далеко не всегда обусловлены научными соображениями. Известную роль в скромном внимании к Фалькенгайну сыграло то обстоятельство, что в отличие от целого ряда военных и политических деятелей кайзеровской и Веймарской Германии он популярности и политической славы никогда не искал. Резко контрастируя с пышными словословиями в адрес Гинденбурга, яростными политическими памфлетами Тирпица, Людендорфа, Бауэра, Гофмана и многочисленными попытками доказать возможность Германии военным путем победить в войне против Антанты со стороны офицеров и генералов Генштаба (Куля, Лоссберга и т.д.), Фалькенгайн до конца своих дней остался верен традиционной прусской офицерской этике. Он не занимался активной политической деятельностью, не вступал в монархические офицерские организации с целью восстановления Гогенцоллернов на троне, а, выйдя в отставку, писал свои воспоминания. Мемуарам он отводил крайне скромную роль и, особенно по сравнению с другими, свой вклад в победоносные операции Великой войны не преувеличивал. Вполне естественно, что в бурной обстановке Веймарской республики и последующего прихода нацистов к власти он оказался совершенно заслонен титаническими фигурами Гинденбурга и Людендорфа, а также генералами рейхсвера Гренером, Сектом и др.

В период господства в германской исторической науке «историографии Генерального штаба» в 1920–1930-х гг. деятельность Фалькенгайна оказалась почти не освещенной⁴. Это вполне объяснимо, так как большинство офицеров рейхсвера, создававших аналитические работы по истории Первой мировой войны, были сторонниками и учениками Э. Людендорфа и П. Гинденбурга, ставших в ходе Великой войны непримиримыми противниками самого Фалькенгайна и отстаивающих его стратегические взгляды. Они полагали, что именно во время второго верховного главнокомандования (ОХЛ) был упущен ряд возможностей⁵

для победы Германии, хотя Фалькенгайн «принял дела» 14 сентября 1914 г. уже после поражения на Марне, которое предредило гибель Германской империи, сделав ее вопросом времени и цены. Для советских военных специалистов, изучавших наследие империалистической войны, важнейшим являлся опыт Восточного фронта, на котором главным фигурами в 1914–1916 гг. считалась та же пара Гинденбург–Людендорф, хотя и не всегда заслуженно. После Второй мировой войны для военных опыт Первой мировой был уже не так актуален, а ученых Фалькенгайн интересовал лишь с политической точки зрения. Исследовались сюжеты, связанные с борьбой различных группировок в правящей элите Германской империи в 1914–1918 гг.⁶ Таким образом, Фалькенгайн по-прежнему воспринимался как политический деятель, а не как военный специалист и выдающийся стратег. Подробно рассматриваемый конфликт между канцлерами Кайзеррейха, в первую очередь Бетман-Гольвегом, «кликкой» Людендорфа, Тирпицем и Фалькенгайном, позволил осветить некоторые частные моменты, однако не привел к справедливой переоценке вклада последнего в историю Первой мировой войны и историю Германии XX века.

Во многом сохранению историографического вакуума вокруг его имени способствовало и то, что большинство документов о Фалькенгайне оказались в ГДР, в Потсдамском архиве, который был фактически недоступен для историков ФРГ и других стран Западной Европы и Северной Америки. Историки-марксисты ГДР в основном интересовались связями крупных монополий и военных. Генштабисты для них являлись исполнителями агрессивных планов крупной буржуазии, а с этой точки зрения важнейшим оставался этап 3-го верховного главнокомандования 1916–1918 гг. во главе с Людендорфом и Гинденбургом⁷. Только в 1990 г. историки из западной части объединенной Германии получили доступ к архивным материалам о Фалькенгайне⁸. Благодаря этому в 1994 г. вышла лучшая на настоящий момент работа о нем Х. Аффлербаха⁹. В конце 1990–2000-х гг. последовала серия работ о войне на Западном фронте, и в особенности о битве за Верден, так как именно эта стратегическая операция, спланированная Фалькенгайном, дает богатый материал для военной антропологии, истории повседневности на войне и других популярных направлений в современной западной историографии¹⁰.

Эрих фон Фалькенгайн родился 11 сентября 1861 г. в Бург-Бельхау около Грауденца (Западная Пруссия) в родовитой прусской юнкерской семье. Как и его старший брат, Ойген фон Фалькенгайн (1854–1936), Эрих выбрал традиционную для остэльбского прусского дворянина военную карьеру. Весной 1880 г. он вступил лейтенантом в ольденбургский 91-й пехотный полк, это было началом его почти 40-летней службы.

Способный и честолюбивый молодой офицер безупречного социального происхождения сделал истинную для прусского военного карьеру, пройдя последовательно все ее этапы. В 1887 г. он поступил в Военную академию в Берлине, окончание которой открывало возможность службы в Генеральном штабе. В ходе обучения Фалькенгайн несколько раз возвращался в строй, чтобы получить опыт командования все более крупными воинскими частями. В 1891 г. он был причислен к Большому Генеральному штабу, а в июне 1896 г. молодой капитан стал военным советником в китайской армии. Это назначение показывает, что Фалькенгайн был одним из лучших молодых генштабистов, так как именно он был избран представлять германскую армию во время борьбы великих держав за влияние на Дальнем Востоке. В 1900 г. Фалькенгайн вернулся в Берлин, однако уже летом 1900 г. специалист по Китаю отправился в составе экспедиционного корпуса подавлять «боксерское» восстание. В 1906–1907 гг. он возглавлял одну из секций Большого Генерального штаба, затем был начальником штаба корпуса, командовал полком и в 1912 г. стал генерал-майором.

7 июля 1913 г. Эрих фон Фалькенгайн стал прусским военным министром, одновременно получив звание генерал-лейтенанта. Назначение было связано не только с его исполнительностью и профессионализмом, но и с тем, что он был знаком с кайзером как один из военных инструкторов кронпринца Вильгельма. Фалькенгайн сменил на этом посту И. фон Геерингена, ставшего во главе одной из армейских инспекций, то есть командиром одной из 8 армий в случае войны. Должность военного министра являлась для офицера Генштаба всего лишь очередным этапом карьеры, когда приобретался необходимый административный опыт. Вскоре новый глава военного министерства погрузился в решение сложных вопросов постепенного увеличения численности армии, повышения дисциплины и спаянности в воинских частях¹¹.

В ведении военного министра находился широкий круг вопросов, и именно Фалькенгайну уже через год после назначения довелось принимать важнейшие для судеб Германии и всей Европы решения, которые привели к запуску механизма развертывания германской армии летом 1914 г. Э. фон Фалькенгайн, прекрасно знакомый с тем титаническим масштабом работы, которая была проделана для организации развертывания германских армий по плану Шлиффена, и сложностью процессов мобилизации миллионов солдат, решительно стал на сторону главы Генштаба Г. Мольтке-младшего, заявив о невозможности полумер и резких изменений в случае начала реализации стратегических планов войны с Антантой. Понимая важность каждого дня и каждого часа для увеличения шансов на быстрый разгром Франции, Фалькенгайн высказался за неуклонное выполнение плана мобилизации гер-

манской армии, хотя и был против официального объявления войны как Франции, так и России¹². Таким образом, он являлся одним из тех, кто несет ответственность за необратимость событий, приведших к объявлению войны Российской империи 1 августа 1914 г. и одновременному вторжению германских войск в Люксембург и Бельгию.

С началом Первой мировой войны Фалькенгайн остался на посту прусского военного министра. Уже 5 августа, после того как выявились 3 катастрофических провала германской довоенной дипломатии – отказ Бельгии пропустить германские войска, нейтралитет Италии и вступление в войну Великобритании – Эрих фон Фалькенгайн пророчески заявил: «Даже если в результате этого мы пойдем на дно, все равно это было красиво»¹³. На фоне оптимизма, царившего в армейских кругах, относительно перспектив скоротечной победоносной войны с Францией и Россией, британские экспедиционные силы у немцев вообще не учитывались всерьез, эта оценка ситуации свидетельствует о незаурядном умении трезво оценивать и свои силы, и силы противника.

Исполнительность, профессионализм, настойчивость и безукоризненная иерархическая этика достаточно быстро обеспечили Фалькенгайну доверие и уважение со стороны кайзера Вильгельма II. В тяжелой, чреватой хаосом в управлении войсками ситуации сентября 1914 г. именно в своем военном министре кайзер увидел спасителя. Поражение германских войск в битве на Марне 5–12 сентября означало крушение многолетних трудов и расчетов на вывод из войны Франции, к чему германские генштабисты не были готовы. И без того склонный к пессимизму глава Генштаба Мольтке-младший был совершенно надломлен этой неудачей и потому не мог исполнять свои обязанности. В лихорадочной растерянности Вильгельм II предложил пост временно исполняющего обязанности главы Генерального штаба 53-летнему военному министру, и тот согласился, став главой 2-го верховного главнокомандования (ОХЛ) (сентябрь 1914 – август 1916 гг.).

Признать на весь мир факт стратегического поражения на Марне, подчеркнув его громкими отставками, германское командование не могло, поэтому было принято решение официально оставить за Мольтке его пост, а назначение Фалькенгайна не афишировать. Тем не менее Э. фон Фалькенгайн быстро дал понять, что в советах своего предшественника не нуждается, а все попытки Мольтке-младшего осенью 1914 г. вернуть себе влияние и пост главы Генштаба окончились неудачей¹⁴. 3 ноября 1914 г. Фалькенгайн официально стал исполняющим обязанности начальника Полевого Генерального штаба при сохранении своего министерского поста, и двусмысленное положение до некоторой степени было ликвидировано. Совмещение руководства военным министерством и Генеральным штабом нарушало

германскую традицию и во многом противоречило сложившейся структуре взаимоотношений разных частей германской военной элиты. Немедленно сложилась тяжелая ситуация с субординацией, поскольку командиры некоторых корпусов и армий были старше Фалькенгайна, выше по званию и психологически трудно привыкали к подчинению такому начальнику.

Фалькенгайн невзирая на трудности сразу же включился в работу по подведению максимально приемлемого итога первой фазы войны на Западе, что привело к «бегу к морю» в сентябре–ноябре 1914 г. Результаты его теперь принято оценивать как неудовлетворительные для Германии, однако на фоне растерянности командиров и крайней усталости войск после отступления немцев за р. Эна, чреватой общим отходом германских армий с занятых территорий, достигнуто было не так уж и мало. Германские войска удержали за собой почти всю территорию Бельгии¹⁵, существенную и промышленно развитую часть Северной Франции, не уступив сколько-нибудь значимого куска германской территории. Абсолютная непредвиденность затяжной позиционной войны, катастрофическая дипломатическая ситуация и тяжелое стратегическое положение заставили Фалькенгайна с нуля выработать «большую стратегию» Великой войны, определять цели Германии и желаемые условия мира, решать принципиальную дилемму о главном фронте и приоритете подкреплений. 18 ноября 1914 г. он сформулировал свое видение выхода из бесперспективной ситуации войны с превосходящими силами противника на двух фронтах: антантовская коалиция должны быть расколота, а для этого – обязательный сепаратный мир, который желательно заключить с Россией на компромиссных условиях¹⁶. За эту позицию Фалькенгайна упрекали в русофильстве¹⁷, в то время как многие политические и военные деятели Германии были русо- и славянофобами.

С первых же дней пребывания Фалькенгайна на высшем посту в германских вооруженных силах (роль главнокомандующего – кайзера неуклонно становилась номинальной) все сильнее давала себя знать растущая популярность героев Востока, творцов широко пропагандированной победы при Танненберге Людендорфа и Гинденбурга. Пользуясь своим огромным влиянием на германскую общественность и придворные круги, они попытались с ходу перехватить управление германскими армиями у непопулярного и временно исполняющего обязанности главы ОХЛ военного министра. Однако Фалькенгайн, будучи беспристрастным аналитиком, успехи на Востоке оценивал как не имеющие серьезных стратегических последствий. Главным фронтом он полагал Западный, а потому не желал тратить резервы на бесполезные, хотя и эффектные наступления против русской армии. Между Гинденбургом и Фалькенгайном завязалась оживленная переписка, в которой они с трудом удерживались в

рамках традиционной этики, следовали взаимные обвинения в зависти¹⁸. Неразрешимое противоречие между ними было в том, что первый был склонен к большим замыслам на основе убеждений, а не расчетов, а второй всегда предпочитал «синицу в руках» и преследовал ограниченные, но достигаемые цели. Конфликт подогревался и личной неприязнью, вызванной особенностями характеров полководцев. Людендорф был слишком груб и несдержан, Гинденбург неуместно демонстрировал несоразмерное своему вкладу в победу на востоке «величие», Фалькенгайн отличался самоуверенностью и не желал кого бы то ни было посвящать в свои замыслы и тем более обсуждать их с подчиненными и союзниками.

Уже в середине ноября 1914 г. неприязнь между Людендорфом, подстрекавшим Гинденбурга к прямому неповиновению главе Генштаба и интригам, и Фалькенгайному дошла до крайней степени. Ведя отчаянное сражение за Ипр, пытаясь в финале «бега к морю» все же выйти к Ла-Маншу, Фалькенгайн с крайним раздражением относился к бесконечным требованиям подкреплений с Востока¹⁹, где Гинденбург и Людендорф, не поставив главнокомандование в известность, начали Лодзинскую операцию. Из-за дробления резервов лучших «молодых корпусов» германской армии Ипр не был взят, маневренный период войны на Западе завершился, а на Востоке авантюрное увлечение маневром охвата²⁰ едва не стоило германским войскам реванша за разгром армии Самсонова.

В ходе конфликта полководцев была ошутимо и необратимо нарушена этика взаимоотношений не только внутри армейской иерархии²¹, но и между императором и его подчиненными, пусть даже самого высокого ранга. Обычными стали недопустимые и невозможные ранее замаскированные ультиматумы кайзеру с требованием отставки Фалькенгайна и давление целой коалиции государственных и военных деятелей с целью изменить расстановку сил. Фалькенгайн никогда не позволял себе гневных тирад и угроз в адрес Вильгельма. Именно поэтому кайзер упрямо держался за него, негодуя по поводу давления общественности на волю монарха.

Фалькенгайн, вынужденный действовать в отчаянной ситуации, которой он был обязан чужой некомпетентности, постарался сделать все, чтобы взять управление вопросами, касающимися войны, на себя. Часто считается, что Фалькенгайн был скорее политиком, нежели военным и, в противоположность Э. Людендорфу, охотно занимался политическими делами. По-видимому, это не совсем верно, тем более что такая оценка утвердилась с легкой руки М. Бауэра, правой руки Людендорфа, который характеризовал главу 2-го ОХЛ так: «Трудоспособность Фалькенгайна была безгранична. Он схватывал легко, понимал живо, имел хорошую память и решал очень быстро. Но недоставало ли ему прочных основ или потому,

что ему не хватало интуиции полководца, его решения часто оказывались половинчатыми... Это была необычная натура, которая могла бы дать блестящего государственного деятеля, дипломата или парламентария, но полководец в нем был представлен слабо»²².

Э. Фалькенгайн по сравнению со своими конкурентами был в невоенной сфере более склонен к компромиссам, а не к прямому диктату. Огромная работа по сохранению хрупкой видимости конституционного порядка поглощала у него много времени, однако иной возможности глава 2-го ОХЛ для себя не видел. Для Бетман-Гольвега, который жаждал сохранить огромные полномочия канцлера, доставшиеся главе кабинета со времен Бисмарка, и вовсе не желал перераспределения власти, всякая возможность вмешательства военных в политику была неприемлема. До канцлера доходили слухи о возможном смещении с поста в пользу Фалькенгайна, который, в свою очередь, уступил бы свое место Людендорфу²³. Бетман быстро вступил в контакт с Гинденбургом, и против Фалькенгайна начала образовываться коалиция недоброжелателей, включавшая поначалу и Мольтке-младшего, который под давлением канцлера стал первой кандидатурой на место главы ОХЛ²⁴.

Особенно острой была ситуация января 1915 г., когда кайзер в ярости пригрозил отдать Гинденбурга и крайне несдержанного Людендорфа под суд²⁵. Вильгельм II не только принял в конфликте сторону главы ОХЛ вопреки мнению канцлера, кронпринца и супруги, но и 20 января 1915 г. произвел Фалькенгайна в генералы от инфантерии, освободил от министерского поста и окончательно утвердил на посту главы Полевого Генерального штаба. Гинденбург и Людендорф довольствовались тем, что попытка их разлучить назначением последнего начальником штаба Южной армии окончилась неудачей, и они до конца октября 1918 г. уже не расставались²⁶. Выиграв первый раунд борьбы за высшую военную власть, Фалькенгайн столкнулся с необходимостью совместить реалии тотальной войны и ее требования не только к военному, но и к экономическому механизму страны и стремление сохранить хрупкий конституционный баланс властей в империи. Достаточно быстро Фалькенгайн вступил в дискуссии, а затем и в постоянные склоки с канцлером Бетман-Гольвегом, что почти «парализовало»²⁷ деятельность германского главнокомандования, по крайней мере, внутривластную. Кайзер буквально разрывался между двумя своими фаворитами, и весной 1915 г. канцлер понял, что сместить Фалькенгайна пока не удастся. Тем не менее он продолжал поддерживать контакты с Обер-остом (главнокомандованием на Востоке), ожидая удобного случая. С каждым месяцем войны, с публикацией новых документов и продолжением полемики в политических и дипломатических кругах о ходе Июльского кризиса

вырисовывалась все отчетливее картина катастрофических промахов во внешней политике и ошибок в расчетах канцлера.

После шумно отпразднованной победы войск Гинденбурга в битве в Мазурских озерах в феврале 1915 г. кайзер попытался примирить генералов, раздавая им награды и внеочередные звания, однако это только обострило вопрос об истинных творцах победы. Награжденный высшим прусским военным орденом Pour le Merite Фалькенгайн точно знал, что победа одержана лишь в той мере, которую он считал достаточной. Получившие для своей операции 4 корпуса вместо 12-ти Гинденбург и Людендорф были чрезвычайно недовольны. Весной 1915 г. Фалькенгайн совместно со своим австро-венгерским коллегой Конрадом фон Гетцендорфом приступил к планированию прорыва русских позиций в Галиции, одновременно отвергая настойчивые требования резервов со стороны Гинденбурга и Людендорфа, которые были одержимы идеей глубокого флангового удара, чтобы охватить все русские армии в Польше. Вопрос об авторстве замысла Горлицкого прорыва остается открытым. И Фалькенгайн, и Конрад приписывали его себе, однако одно несомненно: прорыв 2 мая 1915 г. был полностью спланирован и организован Фалькенгайном, который обеспечил нужное количество германских войск, перебросив войска образованной 11-й армии на Восток, и предоставил необходимые технические средства и полномочия ее командующему²⁸. Лавры исполнителей блестящего замысла получили Макензен и (менее заметно) его начальник штаба фон Сект.

По выражению Б. Лиддел-Гарта, истинная история кампании 1915 г. на Востоке – это история борьбы между Фалькенгайном и Людендорфом, первый из которых победил благодаря служебному положению²⁹. Окончательное отражение русской угрозы границам Германии было целиком заслугой Фалькенгайна, за победами которого с бессильной завистью и скепсисом наблюдал лишенный командования над всеми армиями, кроме северной группы, Гинденбург. На фоне освобождения Перемышля, Львова, взятия Варшавы и триумфа Новогеоргиевска наступление Гинденбурга в Курляндии выглядело незначительным, а штабные офицеры Фалькенгайна и вовсе рассматривали его как «бесполезную, отвлекающую резервы прогулку». Неоднократные предложения Людендорфа с планом развития операции вглубь Литвы, не дожидаясь окончания боев за овладение «польским балконом», Фалькенгайн отклонял³⁰. Полностью самостоятельная попытка Гинденбурга в сентябре 1915 г. авантюрно развить инерцию летнего наступления австро-германцев с помощью очередного, стандартного по форме, «косого прорыва» под Свенцянами закончилась неудачей, хотя и закрепила за немцами важный экономически, политически и инфраструктурно район Вильно–Ковно. Под командованием Гин-

денбурга германские войска сражались очень хорошо, зачастую – героически, однако это было не заслугой военачальника, а, скорее, его единственным спасением от регулярных провалов. Тем не менее для репутации в глазах германской общественности, и особенно для парламентской оппозиции, подвиги немецких войск в рискованных ситуациях и широта замыслов при отсутствии для оптимизма минимальных оснований были более привлекательны, чем трезвый сухой расчет на «синицу в руках» и неуклонное медлительное решение задачи по обеспечению безопасности территории Рейха. Ненависть и зависть к Фалькенгайну со стороны командования на востоке усилилась, дойдя до открытого неповиновения приказам³¹. Истинный герой кампании 1915 г. был совершенно неадекватно оценен всеми, кроме его покровителя, кайзера Вильгельма II.

Фалькенгайн не смог пожать лавры за чрезвычайно успешную кампанию 1915 г., так как всегда старался соответствовать девизу графа Шлиффена «более быть, чем казаться». В то время как Гинденбургу в немецких городах стали устанавливать деревянные статуи, Фалькенгайн не гнался за популярностью. Многие триумфы германского оружия, последовавшие благодаря спланированным и организованным Фалькенгайном операциям, были приписаны кому угодно, но не ему. При этом знаменитая бойня у Лангемарка в ноябре 1914 г., так называемый *Kindermord* («убийство детей»), когда цвет германского студенчества и молодежи погиб в самоубийственной смелости атаках на британские позиции, ассоциировалась с начальником Генштаба. Затем, в сочетании с Верденом, это привело к тому, что имя Фалькенгайна стало синонимом бесполезной бойни. Д. Киган описывал трагедию главы ОХЛ так: «Несмотря на достоинства его личности и интеллект, представительность, честность, решительность, самоуверенность, доходящую до надменности, и доказанность его способностей в качестве штабного офицера и военного министра, он пострадал от того, что общественное мнение связывало его имя скорее с поражением, чем с победой»³².

Особенностью Фалькенгайна по сравнению с его преемниками на посту главы ОХЛ было то, что он упорно стремился сохранить видимость нормальной жизни в Германии, не прибегал к резким мобилизационным мерам, громким воззваниям и чрезвычайным социально-экономическим мерам. Его шаги в милитаризации экономики и решении сырьевой и кадровой проблемы были достаточно последовательными и умеренными. Возможно, он полагал, что исключительные решения не нужны ввиду качественного превосходства германской армии. Любые действия, которые могли привести широкие массы к осознанию глубины надвигающейся катастрофы, Фалькенгайн запрещал. Кроме того, в конце 1915 г. он надеялся, что разгром русской армии, Сербии, вступление в войну Болгарии до некоторой степени уравнивают критиче-

ское положение Центральных держав. В своем докладе кайзеру в начале 1916 г. он утверждал, что после «Великого отступления» русская армия не способна к серьезным наступательным действиям, и даже верно указывал причины падения боеспособности, хотя и опережал реальные события примерно на год³³. Наступление Западного фронта русской армии на озере Нарочь в марте 1916 г. и последующая искусная германская контратака, казалось, полностью подтвердили выводы и надежды Фалькенгайна.

В начале 1916 г. в германских верхах разгорелся жаркий спор по вопросу об объявлении неограниченной подводной войны. Горячий сторонник беспощадного истребления английского торгового флота адмирал фон Тирпиц столкнулся с ожесточенным сопротивлением канцлера, который опасался вступления из-за этого в войну Америки. С ним был согласен незадолго до этого высланный из США офицер Генштаба фон Папен. Свое мнение он изложил Фалькенгайну, который склонялся к поддержке Тирпица. Фалькенгайн – «чрезвычайно умный человек», предложил фон Папену лично повторить свои аргументы кайзеру, несмотря на то, что они противоречили его позиции. Папен был смущен тем, что ему предлагается открыто противоречить своему непосредственному начальству, однако Фалькенгайн ответил ему: «Едем, вы можете говорить императору все, что сочтете необходимым»³⁴. Спустя полтора года, когда предсказания Папена сбылись, США вступили в войну, Фалькенгайн признал свою ошибку, пригласив не согласившегося с ним офицера стать начальником оперативного отдела своего штаба в Месопотамии³⁵.

Кампания 1916 г. по замыслу верховного главнокомандования должна была добить Францию, по выражению Фалькенгайна, «лучший меч Англии на континенте». Для этого предполагалось в ходе мощного натиска овладеть Верденским укрепленным районом, рассечь фронт Антанты и добиться решительной победы. 21 февраля 1916 г. битва за Верден началась. Несмотря на ряд успехов, уже к концу весны надежды на взятие Вердена иссякли, однако Фалькенгайн не желал отказываться от своего замысла, считая что стратегический смысл операции – истощение резервов противника – сохраняется в ходе боев на «маасской мельнице». Затянувшийся штурм Вердена подорвал дух германских войск и, наоборот, воодушевил французов. Фалькенгайн и после войны был по-прежнему убежден в правильности Верденской операции в принципе и в оправданности ее затягивания. Он так и не вышел за рамки своего видения войны, утверждая, что потери под Верденом относились как 5:2,25, хотя на самом деле, как 1,1:1³⁶. Поддерживал Фалькенгайна в этом мнении только кронпринц Вильгельм, так как именно его армия находилась на острие главного удара³⁷.

Самая крупная по масштабам операция Фалькенгайна велась в рамках той же осторожной

стратегии на истощение тогда, когда психологический эффект от мощи и профессионализма германской пехоты уже сошел на нет и не мог стать дополнительным фактором победы. Первоначально, из-за внезапности атак³⁸, для немцев операция проходила успешно, однако грамотная переброска резервов французами уже к концу марта 1916 г. заставила германское командование отказаться от планов быстрого захвата крепости. К серьезному удивлению и тревоге ОХЛ, на Востоке в конце марта 1916 г. русские армии перешли в наступление у озера Нарочь. Оно практически не дало результатов, однако заставило немцев серьезно побеспокоиться, так как резервов на Востоке не имелось, а прорыв фронта на севере означал для Германии потерю Прибалтики. Тем не менее из-за того, что Верден поглощал все резервы, требования Людендорфа предоставить резервы для наступления под Ригой Фалькенгайн отверг³⁹.

К лету 1916 г. отсутствие масштабных побед Германии привело к цепи событий, заставивших даже кайзера, опасавшегося дуумвирата Гинденбург–Людендорф, отказаться от столь долго отстаиваемого соратника. Долго планируемая интрига против главы Генштаба началась с вопроса о перераспределении командных постов и властных полномочий на Востоке в июне 1916 г.⁴⁰ По мере нарастания эффекта от операции русского Юго-Западного фронта необходимость оптимизации управления войсками и ресурсами союзников по Четверному альянсу становилась все более очевидной. Реформа структуры фронта на Востоке могла хоть как-то замаскировать абсолютное бессилие Германии перебросить на помощь австрийцам достаточное количество резервов, которых попросту не было. В конце июня 1916 г. Гинденбург все-таки получил под свое командование значительно больше войск, чем планировал Фалькенгайн⁴¹, однако уже через несколько дней начавшееся на Сомме стратегическое наступление Антанты поставило вопрос о более серьезном пересмотре ситуации, сложившейся в управлении германскими войсками.

На фоне явного крушения прежней иллюзии о незыблемости фронта на Востоке и истощении противника на Западе казавшаяся безобидной инициатива улучшения взаимодействия войск и командования на Востоке, привела к отставке Фалькенгайна с поста начальника Генштаба в конце августа 1916 г., притом что неудачи немцев носили объективный характер – превосходство войск Антанты над немцами и армий Брусилова над австрийцами было безусловным. К этому моменту от него отвернулись даже его сторонники: начальник оперативного отдела Таппен, презиравший обоих «героев Танненберга», и военный министр Вильд фон Хоенборн. Тщетно Фалькенгайн прямо заявлял кайзеру, что если он согласится на Гинденбурга и Людендорфа, то «перестанет быть императором»⁴². Теперь окружение императора было уверено, что достойный мир, который устро-

ит население Германии, можно будет заключить только с фельдмаршалом Гинденбургом во главе вооруженных сил.

Общее крушение стратегических замыслов было отмечено знаковыми для краха последних надежд германской дипломатии событиями: 27 августа 1916 г. в войну против Австро-Венгрии вступила Румыния, а 28 августа, после почти 1,5 лет недоразумений, Италия, наконец, объявила войну Германии⁴³, прекратив с ней взаимовыгодную торговлю оружием и стратегическими материалами. 29 августа 1916 г. Фалькенгайн подал кайзеру прошение об отставке, которое, по совету канцлера, было принято. Кайзер даже прослезился по поводу утраты старого соратника⁴⁴, однако противостоять давлению больше не мог. Триумфаторы Гинденбург и Людендорф были уже на пути в Ставку⁴⁵. В Германии начиналась новая эпоха, эпоха военной диктатуры. Вслед Фалькенгайну раздавалась ожесточенная и беспощадная критика, хотя к концу августа 1916 г. наиболее опасная стадия стратегического наступления Антанты уже миновала⁴⁶.

После того как нелюбимый ни армией⁴⁷, ни населением стратег был лишен своего поста, до конца войны он успел поучаствовать в операциях в Румынии⁴⁸, на Ближнем Востоке и в Белоруссии. В Германии вступление в войну Румынии, несмотря на неопытность румынской армии и недостаточность ее оснащения, воспринимали с большой тревогой. Казалось, что Австро-Венгрия, армия которой была окончательно надломлена Брусиловским прорывом, не выдержит еще одного, даже не особенно сильного врага. Фалькенгайн получил командование 9-й армией, срочно развертывавшейся в Трансильвании из остатков германских резервов, для того чтобы остановить неизбежное румынское вторжение на территорию, ради которой Румыния и вступила в войну. Бывший глава ОХЛ давно учитывал подобное развитие событий, поэтому заранее спланировал возможные контрудары, предложив еще зимой 1915/16 гг. нанести превентивный удар по неотмобилизованной румынской армии⁴⁹. В конце сентября 1916 г. плохо продуманное и еще хуже организованное вторжение румын было остановлено войсками Фалькенгайна и подчиненной ему 1-й австрийской армии. К середине октября румыны были отброшены к границе, началась борьба за перевалы в Трансильванских Альпах. Методично громя румынские дивизии, Фалькенгайн отвлекал силы противника из Добруджи и от переправ через Дунай. Отбив отчаянный контрудар румынской армии в ноябре, 9-я армия предоставила войскам А. Макензена возможность триумфально войти в Бухарест 4 декабря. К концу декабря русско-румынские войска остановили продвижение австро-германцев, за которыми осталась вся Валахия. Разгром Румынии был достигнут за 4 месяца боев, известие о взятии Бухареста вызвало в Германии ликование и стало одним из поводов для обращения с мирным пред-

ложением 12 декабря 1916 г., так как очередная эффектная победа должна была по мысли немецких политиков окончательно убедить страны Антанты в непобедимости Германии. До конца апреля 1917 г. Фалькенгайн командовал 9-й армией, периодически предпринимая атаки местного значения для улучшения положения германских войск. Авторитет его после победы над Румынией несколько поднялся.

В июле 1917 г. Фалькенгайн получил назначение на ближневосточный театр военных действий (ТВД), возглавив группу армий F («Йилдырым»). В турецкой армии 9 июля 1917 г. ему был присвоен чин генерал-фельдмаршала. Младотурецкое правительство настаивало на отвоевании Багдада у англичан, захвативших его в марте 1917 г. Однако германские специалисты были больше озабочены ситуацией в Палестине, справедливо полагая, что большой военной ценности Багдад не представляет, а состояние транспортной инфраструктуры в Месопотамии не позволяет надеяться на успех в ближайшем будущем. Э. Фалькенгайн несколько раз вступал в ожесточенные споры с турецкими генералами, добившись удаления Мустафы Кемаля (будущего Атаатюрка) и морского министра Джевада-паши, однако от сопротивления и недовольства со стороны союзников так и не избавился. При всем своем уме он был «достаточно упрямым и эгоистичным», к тому же хотел, чтобы престиж победы достался только ему, «а потому о разделении полномочий не могло быть и речи»⁵⁰. Дополнительное раздражение турецкой стороны он вызывал решительным противодействием попыткам еврейских погромов в Палестине⁵¹. Наступление британских войск осенью 1917 г. стоило германо-турецким войскам Газы, Яффы и Иерусалима, а Багдад, несмотря на прекращение активности русского корпуса Баратова, вернуть так и не попытались. После поисков виновника неудачи германское главнокомандование, заинтересованное в сохранении хороших отношений с Турцией, «назначило» таковым Фалькенгайна и заменило его на имеющего удачный опыт работы с турками Лимана фон Сандерса.

5 марта 1918 г. Фалькенгайн прибыл в 10-ю армию, которую возглавил по приказу кайзера от 25 февраля. К моменту его прибытия войска армии наступали в Белоруссии фронтом в 400 километров, обеспечивая выполнение условий Брестского мира. Под командованием у Фалькенгайна оказались второсортные и редуцирующие части (6 ландштурмистских дивизий)⁵², из которых вскоре забрали весь личный состав моложе 35 лет. Противником стали разрозненные и деморализованные большевистские отряды, остатки национальных частей разложившейся русской армии, а затем партизаны. Казалось, Гинденбург и Людендорф этим назначением издевательски указывают своему сопернику где и как надо было одерживать решающие победы. Его непосредственным начальником стал генерал

Гофман, правая рука Людендорфа на Востоке и последовательный недруг Фалькенгайна, которому он не собирался доверять какие-либо серьезные поручения. Фалькенгайн полагал свое назначение сродни должности «командира округа»⁵³.

Тот факт, что ни талант, ни опыт Фалькенгайна не будут использованы в грядущем решающем наступлении немцев на Западном фронте, приоритет которого он так долго отстаивал, последний мог воспринимать только как оскорбление. Однако Э. фон Фалькенгайн не подал в отставку и не искал более почетных должностей, а продолжал служить кайзеру и Отечеству, куда бы его ни забросила судьба, с прежней энергией и профессионализмом защищая интересы Германской империи. С наступлением весны 1918 г. его войска захватили множество пленных и большое количество военного имущества. На контролируемой германскими войсками территории Фалькенгайн восстановил и жестко поддерживал элементарный порядок, опираясь на довоенные модели устройства местной администрации. Осенью 1918 г., после того как поражение Германии в Великой войне стало очевидно, Фалькенгайн направил кайзеру письмо с предложением вернуть его на пост главы ОХЛ, а вместо парламентаризации правительства назначить военного диктатора, которым должен был стать генерал Фалькенхаузен⁵⁴. Однако эти рекомендации запоздали, а затем и сам Фалькенгайн столкнулся с началом процесса быстрого разложения частей германской армии на Востоке. Из-за угрозы большевизации войск, сопровождаемой эксцессами в отношении офицерства, зимой 1918/19 гг. германские войска стали отводиться на Запад. Фалькенгайн не собирался налаживать отношения с образованными солдатскими советами, даже последний его приказ по армии в январе 1919 г. содержал резкие нападки на все завоевания Ноябрьской революции.

Ликвидация старой кайзеровской армии, мучительные процессы демобилизации миллионов солдат и офицеров и образования рейхсвера Веймарской республики не оставляли выбора для образцового прусского офицера. Э. фон Фалькенгайн не собирался искать в революционном вихре второго шанса возглавить вооруженные силы Германии. Его здоровье было подорвано. Еще в начале 1918 г. у него стали проявляться признаки астмы и катара верхних дыхательных путей⁵⁵, так как генерал плохо перенес резкую смену климата, после палестинской жары – в снега Белоруссии...

После того как вверенные ему войска закончили эвакуацию на родину, 28 февраля 1919 г. он был переведен в резерв, а 5 июля того же года после подписания Версальского мира и начала ликвидации германского Генерального штаба Фалькенгайн вышел в отставку. Уединившись, остаток своей жизни бывший глава ОХЛ посвятил написанию мемуаров и работ по истории Первой мировой войны, которые стали публиковаться уже в 1919–1920 гг.

В отличие от многих сослуживцев и соперников из-за подорванного здоровья отставному генералу не довелось увидеть крах Веймарской республики и становление Третьего рейха. Эрих фон Фалькенгайн скончался 8 апреля 1922 г. в Линдштедте близ Потсдама на 61-м году жизни.

Примечания

- 1 *Папен Ф. фон*. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. М., 2005. С. 81.
- 2 См.: *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. История и структура 1657–1945. М., 2005. С. 176.
- 3 *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях / Предисл. и коммент. А.Е. Снесарева. М., 1923. С. 6.
- 4 Не считая работ самого Фалькенгайна, едва ли не единственной книгой о его деятельности стала биография, написанная Г. Цвелем. См.: *Falkenhayn E.* Der Feldzug der 9. Armee gegen Rumänien und Russen 1916/17. Berlin, 1921; *Zwehl H.* Erich von Falkenhayn, General der Infanterie. Berlin, 1926.
- 5 Труд генерала Макса Гофмана, бывшего фактическим главой Восточного фронта в 1916–1918 гг. так и назывался. См.: *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М., 1925.
- 6 См., напр.: *Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann-Hollweg und Falkenhayn, 1914–1916. Göttingen, 1967; *Guth E.P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914/15. Die Rolle des Majors von Haefthen in Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. № 1.
- 7 См., напр.: *Weber H.* Monopole und Oberste Heeresleitung in den Jahren 1916–1918. Halle, 1962; *Idem.* Ludendorff und die Monopole: Deutsche Kriegspolitik. Berlin, 1966.
- 8 Так как они с 1927 г. хранились с пометкой «конфиденциально». См.: *Hamilton R.F., Herwig H.H.* The Origins of World War I. Cambridge, 2003. P. 179.
- 9 *Afflerbach H.* Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.
- 10 См., напр.: *Münch M.* Verdun: Mythos und Alltag. München, 2006; *Foley R.T.* German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the development of Attrition 1870–1916. Cambridge, 2005.
- 11 См.: *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве 1650–1945. М., 2007. С. 351–353.
- 12 См.: *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 124. Х. Хервиг прямо указывает, что германское согласие на эскалацию Июльского кризиса было решено кайзером и 4 его соратниками: Бетман-Гольвегом, Циммерманом, Фалькенгайном и Морицем фон Люнкером. См.: *Hamilton R.F., Herwig H.H.* Decisions for war 1914–1917. Cambridge, 2004. P. 83–85.
- 13 *Ibid.* P. 71.
- 14 *Герлиц В.* Указ. соч. С. 161–162, 166–167.
- 15 Остановить германское наступление удалось, лишь взорвав дамбы на реке Изер.
- 16 См., подр.: *Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. М., 1968. С. 465–469.
- 17 Г. Аффлербах выдвигает предположение, что симпатии к России у Фалькенгайна были обусловлены семейными преданиями о наполеоновских войнах, где проявилось русско-прусское боевое братство. См.: *Afflerbach H.* *Op. cit.* P. 10–11.
- 18 Об этапах развития конфликта см.: *Раушер В.* Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 65–67. Гофман, например, пишет о зависти Фалькенгайна к Гинденбургу, как о широко известном факте. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 107.
- 19 Гофман последовательно перечисляет отказы Фалькенгайна в подкреплении командованию на Востоке. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 53, 55, 60, 64, 82.
- 20 Фалькенгайн характеризовал Лодзинскую операцию как «смело задуманную, превосходно подготовленную, однако первые успехи ввели в заблуждение главнокомандование на Востоке». См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 44.
- 21 Гинденбург не подчинился Фалькенгайну еще и потому, что был старше его по званию: 27 ноября 1914 г. он стал генерал-фельдмаршалом. Фалькенгайн этого звания так и не удостоился, оставшись генералом от инфантерии.
- 22 *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat. Tübingen, 1922. S. 323.
- 23 См.: *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 307; *Макдоно Д.* Вильгельм Неистовый. Последний кайзер. М., 2005. С. 571.
- 24 См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 69–70, 72–73.
- 25 Там же. С. 71–74; *Cecil L.* Wilhelm II. Vol. 2. Emperor and the Exile 1900–1941. Chapel Hill, L., 1996. P. 224.
- 26 Считается, что имела место сделка между Фалькенгайном и Гинденбургом. См., напр.: *Кизан Д.* Первая мировая война. М., 2004. С. 238–240.
- 27 Так последствия конфликта оценивает Р. Фоли. См.: *Foley R.T.* *Op. cit.* P. 109.
- 28 *Герлиц В.* Указ. соч. С. 169; *Раушер В.* Указ. соч. С. 79–80. См. подр.: *Келлерман Г.* Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г. // Война и революция. 1934. № 2 [Электронный ресурс]. URL: www.grwar.ru (дата обращения: 15.02.2010).
- 29 См.: *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 202.
- 30 М. Гофман на основании того, что Ковно и Вильно были все-таки взяты немцами, впоследствии утверждал, что эти проекты были более верными, чем предпринятые Фалькенгайном операции. Это выглядит бесспорным только задним числом. На роль решающего «упущения» такой отказ от плана операций не подходит тем более. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 88–89, 96–97.
- 31 См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 81–82, 86–88. Фалькенгайн приводит фрагменты переписки между ним и Гинденбургом лета-осени 1915 г., где показывает грубое нарушение субординации. См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 121–125, 129–131, 136–139.
- 32 *Кизан Д.* Указ. соч. С. 361.
- 33 См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 142, 177–179, 187, 199.

- ³⁴ Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 65–67.
- ³⁵ Там же. С. 69.
- ³⁶ См.: Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 217, 254–263; Handbuch der Preussischen Geschichte / hrsg. von W. Neugebauer. Berlin; N.Y., 2001. S. 475.
- ³⁷ См.: Кронпринц Вильгельм. Записки германского кронпринца. М.; Пг., 1923. С. 167–169.
- ³⁸ Вообще о готовящейся операции против Верденского укрепленного района французы узнали заранее, однако предположить, что она будет столь большого масштаба, не могли. См.: Киган Д. Указ. соч. С. 353–354; История Первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 155; Пуанкаре Р. На службе Франции: В 2 т. Т. 2. С. 312–315.
- ³⁹ См.: Гофман М. Указ. соч. С. 110–111.
- ⁴⁰ Подр. о реструктуризации германских армий Восточного фронта см.: Cron H., Duncan R. Imperial German Army 1914–1918. Berlin, 1937. P. 54–55; Раушер В. Указ. соч. С. 93–97.
- ⁴¹ См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. М.; Минск, 2005. С. 225–227.
- ⁴² См.: Janßen K.-H. Op.cit. S. 235.
- ⁴³ При этом почти сразу с момента вступления Италии в войну (23 мая 1915 г.) немецкие советники, а затем и подразделения начали оказывать помощь Австро-Венгрии на Альпийском фронте.
- ⁴⁴ См.: Макдоно Д. Указ. соч. С. 598.
- ⁴⁵ Оба они в своих мемуарах делают вид, что назначение главами Генштаба стало для них едва ли не полной неожиданностью. См.: Людендорф Э. Указ. соч. С. 236; Hindenburg P. Op. cit. S. 147–149; Раушер В. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁶ М. Гофман: «Капитал, состоявший из храброго войска и народного воодушевления, генерал Фалькенгайн растратил за два года своего командования, не достигнув никакого успеха». Гофман М. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁷ Военная элита отнеслась к отставке Фалькенгайна как к давно назревшему решению. Командир 3-й армии и бывший военный министр К. фон Эйнем писал, что Фалькенгайну не хватало «интуитивной способности к лидерству». См.: Hull I.V. Military Culture, Wilhelm II and the end of Monarchy in the First World War // Deist W., Mombauer A. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge, 2003. P. 248.
- ⁴⁸ Людендорф издевательски писал, что в Румынии Фалькенгайну представился удобный случай «проявить на пользу Отечества свои способности военачальника». См.: Людендорф Э. Указ. соч. С. 276.
- ⁴⁹ См.: Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 190–191, 255–257.
- ⁵⁰ Папен Ф. фон. Указ. соч. С. 76.
- ⁵¹ См.: Afflerbach H. Op. cit. S. 483–485.
- ⁵² Ibid. S. 487–488.
- ⁵³ Ibid. S. 487.
- ⁵⁴ Ibid. S. 489.
- ⁵⁵ Ibid. S. 490.

УДК 9(410.III) «13/15»

СЕМЕЙНАЯ КОМПАНИЯ ИШЕМ В ДЕЛОВОМ МИРЕ ЛОНДОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Л.Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

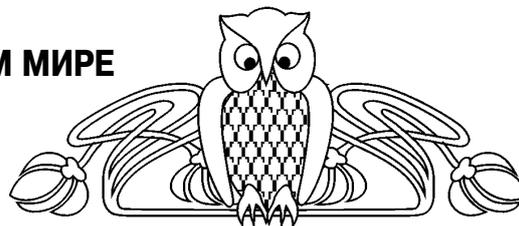
Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории Англии второй половины XVI в., а именно трансформации английской экономики в начале раннего Нового времени. На основе анализа «Двух деловых книг Джона Ишема» исследуются вопросы формирования и состава семейной компании Ишем, сложившейся и функционировавшей внутри компании купцов-авантюристов, и специфика их торговли. Особое внимание обращается на выявление зависимости структуры и направлений торговли братьев Ишем от ведущих тенденций экономического развития Англии указанного периода.

Ключевые слова: Англия второй половины XVI в., структура экономики, торговля, регулируемые компании, компания купцов-авантюристов, семейная компания Ишем, деловые книги купцов.

The Ishams' Family Corporation in London's Business World in the Second Half of the XVI Century

L.N. Chernova

The article is devoted to one of the most important aspects in England's history of the second half of the XVI century, in particular,

the transformation of the English economy at the beginning of the early Modern Times. The issues of formation and structure of the Ishams' family corporation which was set up and functioned within the company of the Merchant Adventurers as well as peculiarities of their trade are examined basing on the analysis of «Two Account Books of John Isham». Special attention is paid to the clarification of the dependence of the structure and the direction of the Isham brothers' trade from the leading tendencies of England's economic development of the period mentioned above.

Key words: England of the second half of the XVI century, structure of economy, trade, regulated companies, company of the Merchant Adventurers, family corporation, account books of merchants.

XVI столетие имело исключительное значение для Англии. Эта очень сложная, переломная по своей сути эпоха оказала колоссальное влияние на последующую историю королевства. На протяжении второй половины XVI в. существенно видоизменяется структура экономики: традиционное сукноделие дополняется новыми отраслями, вследствие чего английский экспорт становится